

# Чеховский спектакль в Крайдрамтеатре

Советские люди хорошо знакомы с творчеством талантливейшего русского писателя А. П. Чехова. Нам дорого творчество А. П. Чехова, насыщенное жгучим протестом против грязи, низости, пошлости, порождаемых собственническим миром и вместе с тем борьбой за жизнь, исполненную красоты и правды.

В этом — основное содержание творчества А. П. Чехова, главный смысл его драматургии. В пьесе «Дядя Ваня», поставленной краевым драматическим театром, есть много грустного, связанного с изображением гибели интеллигентских иллюзий, но в то же время, подобно могучей симфонии, в ней поднимается над повседневностью, мелочностью изображаемых событий всепоглощающая и вдохновенная мысль о праве человека на красоту и счастье. Нам, в особенности молодежи, непонятна психология мученичества чеховских героев, в частности, героев «Дяди Вани». Вместе с тем, нам близка и дорога драматургия Чехова. И может быть, самое дорогое в его пьесах заключается для нас в том, что Чехов в них апеллирует к будущему. Пьесе «Дядя Ваня» более полувека. Будущее, к которому обращался в пьесе Чехов, это наш, сегодняшний день. Пьеса проникнута страстным утверждением права человека на счастье, горячей верой в то, что это право победит, что оно торжествует над пошлостью и мерзостью старого мира.

Чехов показал в «Дяде Ване» как погибает красота жизни в уродливых условиях агонистического мира. Но в то же время он сам глубоко верит и заставляет зрителя поверить, что жизнь станет красивой и радостной, что такой жизнь сделают люди труда. Глубина мысли, гуманистическое содержание «Дяди Вани» делают эту пьесу близкой нашему времени.

Как же показан «Дядя Ваня» на сцене краевого драматического театра? Идейная направленность спектакля (постановщик главный режиссер театра засл. арт. республики Г. Гуревич) в целом верная. И, вместе с тем, в нем имеется ряд существенных недостатков. Во-первых, времяна слабо чувствуется тот внутренний смысл пьесы, то ее внутреннее звучание, без которого не может быть чеховского спектакля. Во-вторых, постановка не свободна от стремления к внешней эффектности. В качестве примера можно привести заключительную сцену третьего акта. Она не по-чеховски шумна. Наиболее же существенный пробел постановки заключается в недостаточно четкой и ясной трактовке образов героев «Дяди Вани».

Одной из существенных трудностей постановки «Дяди Вани» является, между прочим, то, что люди, изображенные в этой пьесе, для нашего современника, в том числе и для актеров, порой непонятны с их пассивностью, безнадежным страданием, благородными, но бездейственными порывами. Между тем, для чеховского спектакля нужно проникнуться их мыслями, их чувствами, их настроениями. Удалось ли это полностью всему артистическому коллективу? Нет, не удалось. Наиболее близки к правильной трактовке чеховских образов Б. Слободской (дядя Ваня), М. Елисеева (Соня), Ф. Абакумов (Телегин) и Н. Васильева (Марина).

Благодаря мастерской игре артиста Б. Слободского зритель получил довольно отчетливое представление об образе дяди Вани. Зритель почувствовал трагическую судьбу этого человека, отдавшего свои силы, способности, ум, сердце другому человеку, бездарному и ограниченному, но долгие время казавшемуся дяде Ване символом прогресса, подлинной науки, высоких гуманистических идеалов. Артист показал судьбу маленького человека, типичную для многих интеллигентов старой России. Дядя Ваня выступает от имени этих интеллигентов. Они готовы были жертвовать своими личными интересами во имя высокой идеи, науки, цивилизации, прогресса. А на деле получалось, что никакой науки, никакой цивилизации не было. Их просто-на-просто нагло обманывали.

В дяде Ване, таким образом, просыпается чувство протеста не потому только, что загублена его личная жизнь. Это само собой

разумеется. Но в нем Чехов выразил протест против тех условий старой жизни, которые убивали все высокое, чистое, светлое, делали человека жертвой собственнического уклада жизни.

В одном только можно упрекнуть Слободского. Его дядя Ваня пребывает в каком-то устойчиво-меланхолическом состоянии. Мы почти не видим в нем той теплоты, той лирической мягкости, которыми щедро наделил своего героя Чехов.

Верные и выразительные интонации нашла для роли Соня артистка М. Елисеева. Ее Соня глубокая натура. Эту глубину натуры зритель познает в проникновенном голосе, в скупом, но выразительном жесте, в мимике, передающей душевное состояние героини. Образ Соня несет в себе огромное обаяние. Это обаяние труженицы, сохранившей под тяжестью страшных условий жизни и труда напуганного человека, каким является ее отец, всю чистоту своей души, глубочайшую веру в светлое грядущее человечества.

Хорошо ведет роль Телегина артист Ф. Абакумов. В образе Телегина артист показал еще одну жертву старого агонистического мира. Заслуживает похвалы игра Н. Васильевой — исполнительницы роли Марины. В спокойном поведении Марины, в ясности ее мыслей познается простой, жизненный, высоконравственный народный характер.

Большие возражения вызывает трактовка образа Астрова заслуженным артистом РСФСР М. Никольским. Зрители хорошо знают артиста по целому ряду образов, созданных им с большим мастерством. Относительно Астрова хочется сказать, что это не его роль. Астров у Чехова человек, не утративший нравственного обаяния. Недаром его полюбила такая чистая девушка, как Соня. Астров — яркий характер, глубоко мыслящий и не менее глубоко чувствующая личность. Это человек, в котором истинные каторжный труд не убил мечту о лучшем, которое придет, как он верит, в будущем. Он видит все мерзости окружающей его жизни, не хочет поддаться им. Сознание собственной беспомощности порождает в его душе величайшие страдания. Астров талантлив и ему не легко переживать гибель своего таланта. М. Никольский не передает всей глубины натуры Астрова. У Астрова за каждой фразой стоит глубокая и скорбная мысль о гибнущих мечтаниях, талантах, человеческих жизнях, о страшной силе пошлого, удушавшего все живое, старого мира. А разве зритель это почувствовал? Образ Астрова у М. Никольского не загорелся тем внутренним облагораживающим его натуру огнем, каким наделил его Чехов.

Не точно рисует образ Серебрякова артист Б. Кеворков. Он пошел, если можно так выразиться, по линии внешнего изображения своего героя. Серебряков ханжа, эгоист, тиран в быту. Он замучил все свои болезнями. Это все правильно. И это все подчеркнуто Кеворковым. Серебряков — это в то же время и Беликов. И валашки и зонты — все это на месте и показано артистом хорошо. Но Серебряков еще и представитель официальной науки, он представитель той культуры эксплуататоров, которая верно служила делу закабаления трудовых масс. И именно эту сторону образа Серебрякова Чехов бичует сатирическим гневом. В изображении же Б. Кеворкова Серебряков по преимуществу раздражительный, самовлюбленный, ограниченный старик.

Выпадает из плана глубокого психологически напряженного внутреннего действия, характерного для «Дяди Вани», образ Елены Андреевны в исполнении актрисы Т. Тагад. Он оказался чуждым лирическому характеру чеховской драматургии.

«Дядя Ваня» — спектакль, который вызовет несомненный интерес у советского зрителя. Но пока что это очень неровный спектакль. Может быть, тут сказалась теоретичность, с какой он готовился. Однако это ни в коей мере не может служить оправданием для театра.

К. ЧЕРНЫЙ.